

Чжоу Ци блестяще проявил себя на испытаниях, и в этот раз на отборе в Секте Меча Лянъи никто так и не удостоился чести стать личным учеником.

Когда отбор завершился, жизнь потекла своим чередом. Старейшины секты Ушедшей Обиды отбыли восвояси, а вот Байли Фэн уходить не спешил. Цзян Чангэ определил его в гостевые покои и объявил, что снова уходит в уединённую медитацию.

Мин И ушёл, отец скрылся в медитативной пещере — словом, оба стимула, заставлявшие Цзян Сяочжоу усердно тренироваться, исчезли. Юноша с радостью предавался безделью, посвятив всё свободное время заботе о Сяо Бае.

Столько времени прошло, а волчонок почти не изменился с тех пор, как появился на свет. Байли Фэн объяснил, что детство у златогривых белых волков длится около пяти лет, причём в первые два года они обычно растут не по дням, а по часам. Малыш должен быстро вытянуться — сначала до голени взрослого человека, потом по пояс, — чтобы затем долгие годы оставаться на пике силы, пока к шестидесяти годам не придёт старость, а за ней и неизбежный конец.

— Однако если хозяин решится заключить с духовным зверем контракт крови, — заговорил Байли Фэн, ласково поглаживая сидевшего рядом двухголового феникса, — тогда они разделят одну жизнь на двоих, и зверь останется с тобой до самого конца. Наша связь с ним скреплена именно таким узом. Двухголовые фениксы — побочная ветвь древнего рода, живут они невероятно долго, так что в будущем, пожалуй, это я окажусь у него в долгу.

Феникс ласково прижался к нему и игриво ухватил клювом край его рукава.

В этот час они бродили по склонам за Сектой Меча Лянъи, выкапывая сочную духовную траву для Сяо Бая, чей аппетит рос день ото дня.

Цзян Сяочжоу бросил птице плод летящего феникса. Одна из голов ловко перехватила угощение на лету и проглотила целиком, а вторая тут же потянулась к рукаву самого юноши.

— Эй, ну-ка перестань! — рассмеялся Байли Фэн, перехватывая питомца за шею и оттаскивая назад. — Не наглей.

Надо же, он ещё помнил, что такое приличия.

Глядя на их шутливую потасовку, Цзян Сяочжоу невольно улыбнулся. Настолько тёплая, искренняя привязанность всегда согревала душу.

Байли Фэн продолжал журить своего любимца, но краем глаза уловил улыбку юноши.

"А он действительно хорош собой. И как я раньше этого не замечал?"

Связанный с ним узами духа феникс мгновенно уловил эти мысли. Чем сильнее смущался хозяин, тем настойчивее птица ластилась к Сяочжоу, пытаясь уткнуться ему в грудь. Юноша безуспешно пытался оттащить питомца, отчего со стороны эта возня выглядела крайне комично.

Наконец, справившись с упрямым зверем, он вернулся к разговору о волчонке:

— И всё же странно, что Сяо Бай совсем не растёт. Думаю, тут может быть две причины.

— Каких именно? — спросил Цзян Сяочжоу, прижимая к себе пушистый комок.

Байли Фэн незаметно отстранился на полшага, пряча смущение:

— Во-первых, возможно, ему не хватает особых сил для развития. Это как с духовными травами, — он ловко выдернул из земли сочный стебель. — Чтобы прорасти, семени нужны не только соки земли и солнце, но и сама духовная энергия. Если лишить его хоть одного элемента, оно увянет или застынет в росте. Так и с волчонком.

— Логично, — закивал Цзян Сяочжоу.

Он искренне восхищался глубокими познаниями своего спутника. В конце концов, его главным достоинством всегда было умение признавать чужой опыт и прислушиваться к дельным советам.

Почувствовав его безграничное доверие, Байли Фэн воодушевился ещё сильнее:

— Ну а во-вторых, Сяо Бай может расти, просто делает это настолько медленно, что глазу это незаметно. Хотя в этот вариант я верю слабо.

— Это ещё почему?

— А ты знаешь, какие создания развиваются медленнее всего?

Цзян Сяочжоу на мгновение задумался:

— Те, чья жизнь длится тысячелетиями?

— Именно! К примеру, век двухголового феникса ограничен тысячей лет, поэтому их детство растягивается на три десятка зим. А легендарные драконы Южной Бездны живут по десять тысяч лет, оставаясь детёнышами целых полвека. Чем длиннее этот срок и чем беззащитнее зверь в начале пути, тем могущественнее и разумнее он станет, когда возмужает. Конечно,

бывают исключения. В Области Девяти Вод водится одна диковина — девятицветный карп исполнения желаний. Они ухитряются доживать до ста тысяч лет, оставаясь при этом совершенно беспомощными крохами. Если бы чудаки из Академии Четырёх Сторон и Летающих Перьев не оберегали их круглые сутки, бедняг давно бы выловили и пустили на уху.

"Уха, наверное, наваристая получается..."

Цзян Сяочжоу мысленно облизнулся, но тут же отогнал гастрономические фантазии и посерьёзnel:

— То есть, если верна вторая догадка, Сяо Бай может оказаться потомком древних божественных зверей?

Байли Фэн шутливо закатил глаза:

— Скажешь тоже! Древние звери на дороге не валяются. Нашёл мне грядку с капустой!

Юноша со вздохом погладил мягкую шёрстку волчонка:

— Эх, глупый ты малый. Лопает за троих, а ростом пойти всё никак не можешь.

На следующее утро Цзян Сяочжоу проснулся на рассвете от жалобного, полного боли скулежа.

Спросонья он потянулся к Сяо Баю и тут же отдёрнул руку — шкурка волчонка так и полыхала жаром. Мгновенно стряхнув остатки сна, Сяочжоу сел на постели. Малыш катался по одеялу, заходясь в судорогах. Его глаза лихорадочно горели багровым светом, шерсть вздыбилась дыбом, а из пасти вырывался приглушённый, хриплый стон.

— Сяо Бай! Что с тобой?! — у Цзян Сяочжоу перехватило дыхание.

Вскочив на ноги, он попытался осторожно прикоснуться к питомцу. Багровое свечение в глазах зверя вспыхнуло ярче, в них заметалось безумие, но тихий, жалобный писк выдавал лишь детскую беспомощность и страх.

Юноша растерялся, не зная, за что хвататься. Мысли путались. В памяти невольно всплыл щенок из его прошлой жизни, угасший от неизлечимой болезни. В том мире Сяочжоу сторонился людей, почти не имел друзей и всё свободное время проводил со своим преданным псом. Его потеря оставила на душе глубокий шрам.

Сейчас он понял, что этот пушистый комочек стал для него гораздо дороже, чем он сам готов был признать.

Сделав несколько глубоких вдохов, он заставил себя успокоиться и ухватился за единственную разумную мысль: нужно срочно показать волчонка Байли Фэн.

Но как поступить лучше? Бежать за девушкой или самому нести извивающегося от боли зверя к ней в покои?

Стоило ему взять Сяо Бая на руки, как тот начал отчаянно вырываться от невыносимой муки, но как только юноша попытался сделать шаг к двери, волчонок из последних сил вцепился когтями в его одежду, словно умоляя не бросать его одного.

Пока он колебался, дверь с треском распахнулась, и на пороге появился встревоженный Байли Фэн:

— Что у вас стряслось? Я с самого рассвета слышу... Боги, что с ним?!

— Сам не знаю! — воскликнул Сяочжоу. — Проснулся, а его лихорадит!

Заметив, что юноша бледен как полотно и едва сдерживает панику, Байли Фэн поспешил его успокоить:

— Без паники. Дай-ка я взгляну.

Он подошёл ближе, осмотрел бьющееся в судорогах животное, и его лицо омрачилось:

— Дело скверно. Это проклятие крови.

— Какое ещё проклятие?

— На самом деле это болезнь, — помрачнев, объяснил Байли Фэн. — В древности духовные звери часто страдали от этого недуга, который уносил их жизни без видимых причин. Старые мастера верили, что так сама природа карает животных за отказ от свободы и близость к человеку. Считалось, что если дикого зверя запереть в неволе, его кровь рано или поздно восстанет против него самого.

— И как её лечить? Есть способ?

— Единственное спасение — узы. Только контракт может усмирить бунт в крови, — покачал головой юноша. — Вообще-то, в наши дни эта хворь почти не встречается. В трактатах пишут,

что за тысячелетия одомашнивания звери приспособились к сожительству с людьми. Тем более странно видеть это у златогривого волка. Такого просто не должно быть...

Цзян Сяочжоу принял решение мгновенно:

— Фея Лэчи говорила, что для заключения союза нужно отправиться в Секту Повелителей Зверей. Сяо Бай протянет дорогу?

— В Секту Повелителей Зверей нужно ехать ради контракта крови. Ты хорошо подумал? — серьёзно спросил он. — Этот ритуал как раз и создали в древности, чтобы лечить подобных бедолаг. Но учти: разделив с ним кровь, ты будешь чувствовать всё то же, что и он. Всю его боль. Ты готов пойти на это?

"Да я же растил его столько лет! Будь он хоть простым булыжником, я бы уже привязался к нему всем сердцем".

Волчонок уткнулся носом в матрас. Его уши жалобно прижались к голове, но полуприкрытые, затуманенные болью глаза по-прежнему искали силуэт хозяина. Он отчаянно боялся остаться один.

— Ему сейчас очень страшно, — тихо произнёс Цзян Сяочжоу. — Я боюсь лишь одного — что мы не успеем довести его. О себе я подумаю позже.

Байли Фэн посмотрел на него со смешанным чувством уважения и тревоги:

— Это проклятие не убивает мгновенно. Несчастные звери могут мучиться неделями, а то и месяцами, прежде чем угаснут окончательно. Так что время у нас есть.

— Значит, выступаем немедленно.

Проявив неожиданную решимость, Цзян Сяочжоу бережно завернул извивающегося волчонка в одеяло и прижал к груди:

— Тсс, маленький. Всё будет хорошо. Я рядом.

В его взгляде, устремлённом на больное животное, читалась такая нежность и тревога, каких Байли Фэн никогда прежде в нём не замечал. Обычно сдержанный и равнодушный ко всему, сейчас он казался совершенно другим человеком.

"Наверное, даже Чжоу Ци не видел его таким".

Они поспешили к выходу, но стоило им распахнуть дверь, как путь им преградил неожиданный гость.

На пороге стоял Чжао Нань со своим огромным зазубренным мечом за спиной. Судя по всему, он караулил здесь уже прилично. Увлечённые спасением волчонка, Сяочжоу и его спутница даже не услышали, как он подошёл.

— Младший брат Чжао? — быстро заговорил Цзян Сяочжоу. — Если у тебя нет срочного дела, давай поговорим позже, когда я вернусь.

Чжао Нань нахмурился:

— Куда это ты собрался?

— В Секту Повелителей Зверей, — коротко бросил Сяочжоу, не желая пускаться в долгие объяснения.

Юноша снял с плеч тяжеленный клинок и с глухим стуком вонзил его в землю прямо перед порогом:

— Я пришёл лишь сказать одно. Ты силён. Но придёт день, и я превзойду тебя. Тяжёлому мечу не нужно лезвие. В этом — мой Путь. И мой клинок сокрушит любого.

Цзян Сяочжоу невольно пригляделся к сопернику. В осанке и взгляде Чжао Наня крепла несокрушимая воля — явный признак того, что тот совершил очередной прорыв в постижении мастерства.

— Младший брат Чжао, путей к истине великое множество, и у каждого он свой, — вздохнул Сяочжоу. — В чистом искусстве меча я тебе не соперник, так что не стоит терзать себя мыслями об этой неудаче.

Чжао Нань открыл было рот, собираясь возразить, но крутившийся рядом Байли Фэн не выдержал и бесцеремонно вклинился между ними:

— Послушай, воин, у нас каждая секунда на счету! Не мешайся под ногами. — Он обернулся к Сяочжоу: — Идём. Полетим на Шуаншуан.

Цзян Сяочжоу впервые услышал, как зовут этого величественного зверя.

— А она... не будет против, если я поднимусь на её спину? — с сомнением спросил он.

— Обижаешь! — отмахнулся юноша. — Мы связаны кровными узами, она чувствует то же, что и я. Так что не бойся, всё пройдет гладко.

Фраза прозвучала довольно двусмысленно, но в суматохе ни один из них не придавал значения этим словам.

Словно в подтверждение её слов, Шуаншуан издала довольный клёкот и величаво расправила огромные крылья. Огненное, переливающееся всеми оттенками алого оперение вспыхнуло на солнце с такой силой, что у Сяочжоу невольно перехватило дыхание от восхищения.

Байли Фэн увлёк его за собой. Устроившись на широкой тёплой спине птицы, они крепко вцепились в жёсткие перья. Шуаншуан запрокинула обе головы, огласив окрестности звонким, чистым клёкотом, взмахнула мощными крыльями и плавно оторвалась от земли.

Сверкая багровыми искрами, тянувшимися за её хвостом и лапами словно огненный шлейф, птица устремилась ввысь, растворяясь в пушистых предрассветных облаках.

<http://bllate.org/book/20178/2140142>